

Михаил Пойзнер

Очень одесские истории

Партбилет за номером...

Был у меня приятель, старше, наверное, на лет пятнадцать. Его отец, старый коммунист, полковник-танкист, прошел всю войну. Имел кучу наград, был представлен даже к ордену Суворова какой-то степени! А где-то в конце 44-го, когда получил известие, что вся семья погибла в оккупированной Одессе, «отказали тормоза» (во всех смыслах), и его танк наехал на колонну немецких военнопленных... Может быть, тогда понять его еще можно было. В результате разжаловали до капитана и про «Суворова» навсегда пришлось забыть...

Почему я так подробно?

При таком отце мой приятель воспитывался в строгости, в духе преданности отечеству и, особенно, партии. Сразу после нашего политеха работал по энергетической части в какой-то крупной строительной компании. Сказать, что он был фанатом электричества и всего вокруг этого, – это ничего не сказать. За глаза его даже называли примерно Вольтметром. Короче, чудак, в голове вместо жизни – сплошные провода, дозы, кабели, амперы и омы.

Где-то в самом конце 80-х на эту строительную организацию наехало легендарное ОБХСС. И ничего тут странного. В строительстве всегда воровали, воруют и будут воровать. А в Одессе тем более. Задержали начальника и главного бухгалтера. Случайно попался на глаза мой приятель. Запуганный и несобранный, глаза бегают... Короче, подозрительный. За компанию взяли и его. По внешнему виду – слабак, чуть нажать – и сразу расколется, да и других потащит...

Они-то не знали, что всю жизнь, если его чему-то и учили, то строгому уважению к закону. Мой приятель не сопротивлялся. Но в тот злополучный день как раз давали зарплату, а значит, коммунисты платили партвзносы. Как быть с партбилетом?! Он и попросил подвезти домой, с тем чтобы оставить партбилет в надежном месте. Но не тут-то было. ОБХССник закурил, прищурился и жестко скомандовал: «Ничего! Посидит с партбилетом!». Как обычно, кинули в КПЗ, по известному многим печальному адресу – ул. Советской Армии (Преображенская), 44.

Уже на вторые сутки вызывали «скорую», на третьи – он был одной ногой уже не на этом свете. Допросы ни к чему не привели. Единственное, что он мог рассказать детально, так это про напряжение, нулевую фазу, и что нужно делать, чтобы током не стукнуло...

Отпустили с большой неохотой.

И тут только все началось. После работы каждый вечер он писал и писал. Писал всем и везде. В десятки адресов... Писал туда, куда даже в бреду не догадаешься написать... Писал одно и то же, одно и то же: «...С каких это пор членство в партии стало формальным делом? Кто позволил оскорбить и унижить партбилет за номером таким-то... Партбилет, за который мой отец...». Про свои мучения в КПЗ он и не думал напоминать.

Начались не просто звонки с самого-самого верха... Несчастные работники ОБХСС на всех уровнях руководства, устно и письменно, многократно приносили ему извинения. То и дело оправдывались и отнекивались. Приходили даже не с пустыми руками (!), слезно уговаривая больше никому не сигнализировать.

Он жаждал партийной крови...

Ему даже выплатили «с походом» (!!!) за те трое суток отсидки! Тут народ забывает обо всем, лишь бы выпустили. Кто думает за те деньги? Он подумал...

И еще неизвестно, чем бы все это закончилось, но как раз в 91-м закончилась сама партия. И теперь уже наехали не только на его партбилет – для некоторых многих еще какое движимое имущество...

Спустись на землю...

Хочешь – не хочешь, а от одноклассников отделаться не так просто. Все-таки школа связывает надолго, все-таки какое-то общее прошлое...

Вот и у нас был одноклассник, который достиг больших высот по научно-педагогической части. Заведовал какой-то кафедрой в нашем политехе, даже был каким-то профессором и всё вокруг этого. По жизни же он оставался таким, как в школе много лет назад, – сплетником, трусом и шкуркой. Люди с годами не меняются... Никогда никому ничем не помог, не выручил, не поддержал... Даже и не пытался. Зато измывался и умничал перед студентами, унижал и подсмеивался.

У другого нашего одноклассника, Валеры, сын поступал в аспирантуру как раз в политех. При этом среди прочего надо было еще подготовить реферат как раз по тематике, которой занимался наш профессор-одноклассник. Пошли к профессору. Тот, даже не дослушав, с порога, мягко говоря, отказал. Да и еще прочел целую лекцию о своей глубокой внутренней порядочности и незапятнанной репутации.

Возникла грозная пауза...

Пришлось взять дело в свои руки. Сразу культурно выставил Валеру из кабинета. Прикрыл плотно двери, оставаясь один на один с нашим профессором: «Послушай, дорогой! Я всецело на твоей стороне! Я бы ему еще больше сказал, а скорее всего, прогнал бы... Иметь наглость, зная тебя, обращаться именно к тебе по такому принципиальному вопросу... Но... Тут есть одно большое «Но». Этот Валера – хорошо пьющий (по правде, Валера вообще не пил). Причем очень хорошо пьющий... Долго не надо, сейчас наберется, вернется, начнет стучать во все двери и даже окна. Будет твердить всем одно и то же: *«Где этот долбаный профессор?! Проиграл в карты две бутылки водки и спрятался?! Все равно найду... Его мать...»*.

Я сделал паузу, чтобы дать время на осмысление. Затем продолжил: «...Тебе такое надо? И что ты будешь с этим делать? С такой биографией?! Дай, что просит, и пусть забудет твой адрес!».

Наш профессор не просто побледнел, у него не просто задрожали руки...

Этими же дрожащими руками через полчаса он передал Вале-ре прототип злополучного реферата.

От греха подальше...

В Одессе не обманывают...

...Приехали к нам гости из самой Англии! По-русски говорят довольно сносно. Поселились в «Лондонской». Хотя я и обещал их проводить назад, но пришлось срочно уехать. В последний вечер все же уделил какое-то внимание, поделились впечатлениями. Они от города в восторге...

В свое оправдание сказал, что здесь до аэропорта минут 20-30. Мол, подойдете к дежурной на «Reception» и просто закажите такси. Тут вижу, они как-то сникли: «А мы уже подходили... Сказали, будет стоить 100 долларов».

Даже у меня подкосились ноги. Как \$100?! Что тут ехать?!

Быстро взял себя в руки. Говорю, может, не так вас поняли? Все-таки языковой барьер... Может, какие-то не совсем понятные русские обороты... Дайте, говорю, слово, что подойдете уже не на «Reception», а прямо к администратору. И все будет в порядке.

Такое слово я получил.

Как только мы разбежались, тут же набрал по мобилке администратора гостиницы: «Как к вам обращаться?». В ответ: «Марина...». Я строго: «Марина – это вы дома. Имя, отчество и фамилия?».

Я жестко насторожил (если не перепугал) ее: «А я представляюсь потом, если понадобится...». Теперь насторожилась она...

«Что же происходит? – начал я. – Мы всем городом лезем из себя, чтобы у англичан осталось хорошее впечатление... А вы одним мазком вытерли наш двухнедельный труд... Какие 100 долларов? За что? И кому?! Не задавайте лишних вопросов. Поднимитесь в такой-то номер и исправьте сложившуюся вами ситуацию».

Резко отключил мобилку.

...Через два дня, уже из Англии, мне позвонили наши бывшие гости: «Долетели нормально. Спасибо за внимание... А вы тогда были абсолютно правы! Мы сразу же связались с администратором. Надо сказать, она была настолько любезна, что сама пришла пожелать нам счастливой дороги. И представьте – вся поездка обошлась всего 120 гривен (!)».

Я перебил: «По-другому и быть не могло. У нас в Одессе никого никогда никто не обманывает».

Как убиваем нервы...

...То один праздник, то другой. То одни угостили, то другие. То ты угостил. До бесконечности... И вот во время очередных угощений мой приятель внезапно вспомнил, что у него уже пятый день как в зубе лежит мышьяк! Так раньше во временно запломбированном зубе убивали нерв. Женщины за столом завывали! Мол, от этого может быть полное отравление! Мол, вот-вот уже на горизонте почти похороны с отпеванием. От всех этих воплей приятель мой и сам хорошо перепугался.

Тут подвернулся и я с машиной. Срочно везу в ближайшую стоматологическую поликлинику – на Сегедскую. К зубному очередь – конца не видно. Я было запричитал: «С острой болью, вот-вот – и всё»... Очередь единодушно: «Все с острой болью, всем вот-вот...». Никто не хотел пропускать...

В голове промелькнула здравая мысль. Беру его за руку, веду назад в регистратуру. В окошке женщина с достоинством. И опять очередь. Пробился к окну: «Женщина! Можно вас попросить выйти ко мне на минутку?». Она с недоумением: «Зачем мне выходить? Прямо спрашивайте – прямо отвечу».

А я говорить не могу, вокруг – уши. Опять буквально умоляю выйти. Уговорил. Я так тихо, на ухо: «Мой приятель – хронический эпилептик с крайними формами! А ему как раз к зубному, там очередь. Он уже стал нервничать, а как разнервничается – точно упадет при всех, ударится головой... Никакая «скорая» уже не поможет...».

Женщина мгновенно побледнела: «Что вы! Что вы! А с виду так никогда не скажешь... Конечно, конечно!».

Конечно, не скажешь! Здоровый увалень, водолаз, кровь с молоком! Про таких в Одессе говорят – ломом не убьешь.

Короче, берет его за руку и уверенно заводит в кабинет к стоматологу. По дороге ближайшему по очереди что-то говорит по секрету. Тот шарахается в сторону, делая большие глаза. Успевает, однако, намеками передать по очереди свой ужас. Очередь замолкает. Все участливо смотрят на моего приятеля.

Ну, слава Богу, все хорошо – мышьяк удален, жизнь вне опасности! На обратном пути очередь стоит, как стоят в минуту молчания...

Он категорически не может ничего понять. Что происходит?!

Пристает ко мне: «Что ты ей сказал? Нет! Что ты ей сказал?!».

Да ничего такого не сказал! Абсолютно почти ничего!

Обычный женский комплимент, но... с каким результатом!

За что уволить?

...В начале и даже в середине 50-х годов по решению партии город должен был активно помогать деревне. Из городских организаций направляли в села специалистов поднимать сельское хозяйство. Направляли иногда надолго, даже от полугода до нескольких лет.

Конечно, таких желающих в Одессе было немного. Их практически вообще не было. Однако «через не могу» надо было выполнять партийные разнарядки. Головой и партбилетами отвечали первые руководители предприятий...

От нашей конторы должны были направить сразу двух специалистов на срок около двух лет. Директор, бывший работник обкома партии, по своим каналам уговорил направить одного. Но где взять хотя бы этого одного?

Душеспасительные беседы с сотрудниками ни к чему не привели. И тут один после нажима внезапно согласился! Это был старый холостяк, к тому же, проживавший в служебной квартире...

В назначенный день он явился на построение и перекличку в райком партии. Человек со списком громко называл организации и фамилии направляемых в колхоз. Наконец-то дошла очередь и до нашего представителя. Наш парень основательно

подготовился! На нем был ярко-кремовый костюм в крупную клетку, на голове – соломенное канотье, на шее – бабочка, в руке – элегантная трость...

Выкликнули: «Павлов!».

Павлов сделал шаг вперед. Учтиво раскланялся, чуть приподнял канотье, раскрутил трость и резко вонзил ее в землю...

Картина напоминала Одессу времен нэпа...

Присутствующие онемели...

Павлов вновь занял место в строю обреченных.

Когда переключка окончилась, сам первый секретарь райкома партии позвонил нашему директору: «...Вашу мать! Чем вы там занимаетесь? Это вы так понимаете важнейшее решение партии по направлению ответственных специалистов для работы в колхозах?! Кого вы направили?! Кто этот ненормальный?! Немедленно решить вопрос с заменой, а этого гнать в шею с работы! И никаких возражений, пока не положили партбилет...».

Сам Павлов недоумевал: «Что я такого сделал? Наоборот, пошел как на праздник. Надел новенький костюм, надел модную шляпу... А как обойтись без трости? Это прилично?! Какие претензии? За что уволить?!».

...В сложившейся ситуации уволить с работы его не могли. Как бы не за что... «По собственному желанию» – он не хотел. Пришлось хорошо подумать и уволить... по сокращению штатов.

А одессит Павлов только этого и ждал. По закону, если сократили, то за сокращенным сохраняется служебное жилье!

Получается, этот Павлов убил сразу двух зайцев – и в колхоз не поехал, и квартира в центре осталась за ним.

А насчет работы? Так работа дураков любит... Было бы здоровье...

Вахту сдал – вахту принял...

...Как-то еще каких-то пару лет назад поехали с моим приятелем Костей на Привоз за картошкой на зиму. А это целый мешок. Или два...

Едем, значит, по Екатерининской, поворачиваем на Эстонскую. Кругом люди, женщины, машины, бомжи, трамваи, меш-

ки, бездомные собаки... Короче, всё на всех лежит, всё на всех стоит, всё как-то хорошо соприкасается. Ну а где поставить машину, если негде даже ногу поставить? Надо ж будет еще таскать те мешки...

Тут в стороне слева показалась маленькая огороженная стоянка. Что-то типа парковки со шлагбаумом и смотрящим. Все по-взрослому! Резко рулим туда, а больше некуда. Костя сигналил всюю! По стоянке нервно мечется парковщик. И я его понимаю. Что делать? Запускать – не запускать?! Свой или чужой?!

Костя настойчиво, не отрываясь, продолжает сигналить. Чья возьмет? В итоге шлагбаум поднят, наша машина буквально влетает на парковку. Мой Костя, работавший простым маляром (правда, когда-то в армии служил при штабе), жестом подзывает парковщика: «Как стоишь?! В каком веке полковник Костенко приехал, а ты так встречаешь?!».

Парковщик почти по стойке смирно: «ИзвиняюСь! Не узнал, не повторится... ИзвиняюСь...».

«Костенко» жестко: «Молчать! Чтоб ни шагу от машины! Как та злая собака на короткой цепи... Учти! Документы там важности государственной... Понятно?!».

С этими словами на ходу он бросает уже достаточно перепуганному парковщику... ключи от машины!

Теперь уже испугался я: «Ты чего? Как можно отдать ключи первому встречному?! У тебя мозги есть?».

Костя с усмешкой возразил: «У меня-то есть. А у тебя? Я же бросил ему ключи от своего *сарая!*...». При этом Костя подмигнул сразу двумя глазами: «Доверять людям надо! Доверять!».

...После нашего возвращения парковщик доложил почти по-военному: «ИзвиняюСь! Всё в полном порядке. Счастливой дороги!».

Костя лениво отреагировал: «Благодарю за службу! Свободен...».

Шлагбаум опущен.
Все на своих местах.
И Эстонская тоже...

Идиёт, я ж пошутил!..

..Так и не могу еще прийти в себя. Прямо тихий ужас...

Тебе скажу, но пока *ша!*

Только вот пролистал «Анну Каренину» – самый последний перевод с того русского на наш украинский.

И что ты думаешь?

Наконец-то наши впервые (!!!) таки указали, под какой именно поезд кинулась та Анна!

Чтоб тот Толстой был здоров! Что, он думал о людях? Подставил буквально всех – и машиниста, и смотрителя, и начальника станции...

А оказывается, она же кинулась под наш поезд «Одесса – Москва»!

Да, да... Под наш скорый 24-й!

А сколько скрывали...

Ну, правда, это тянется еще с когда еще переводили с того до-революционного языка на их советский...

Так еще тогда специально упустили... Ну, мол, кому такие подробности? Ту Анну все равно не оживишь...

– Так что? Тот поезд и тогда тоже был 24-й?

– Идиёт! Я пошутил! Какой 24-й, 25-й, 26-й?!

Смотри глубже в классику!

То было даже не рядом с Киевом...

А ты таки полный идиёт... без надежды на выздоровление.

Хождение по мукам...

То, что в любой момент все может случиться, – этим давно никого не удивишь. А сегодня – так тем более... Хотя почему-то это приходит в голову всегда, когда уже что-то случилось. А у меня что, разве как-то по-другому?! Так шел через парк Са-вицкого, на 2-й Заставе. Шел к маршрутке – и всё. Теперь спроси меня, что я там забыл? И вообще, кто там ходит, когда уже начало хорошо темнеть? Что, нет другой дороги?! Ну, короче, шел себе и шел...

Почти на самом выходе из парка подходят сразу двое – два настоящих шкафа. Выпившие, но не сильно пьяные. Злые. Явно залетные, явно случайные. Как обычно: «Что там закурить?». Откуда? Я в последний раз курил взятяжку еще в 20-й школе, еще в пятом классе. Тут один, скрипя зубами: «Постой, постой! Опять, кажется, еврей (!!!) попался?». Так на меня с нажимом. Подпрыгивает с кулаками и глаза тут же наливаются кровью. У меня сердце и все остальное вырвалось наружу. Стою пустой...

Ну что отнекиваться? Что бежать? Куда? Кого звать? Опять куда? А до той маршрутки и до тех людей еще идти и идти. Короче, попался...

Перед глазами сразу отрывочно пробежало мое вот-вот приближающееся настоящее. Отобьют мозги или что-то там еще внутри. В лучшем случае, может, кто-то успеет вызвать «скорую»... А все это длилось, может, каких-то пару секунд, хоть показалось, что вечно.

Драться? Дрался я последний раз в классе шестом, может, в седьмом. А как кулак собрать? И что потом? Короче, ничего – «за», всё – «против». И куда уже назад?

Как-то быстро-скоро взял себя не то чтобы в руки – взял себя сразу двумя руками. И тут те мои руки автоматически коснулись цепочки на шее. Обычная цепочка – старый подарок одной старой подруги. Лежала-валялась та цепочка на подоконнике без внимания. Ну, когда-то набросил ее на шею, так и носил, и не брал в голову. От нечего делать даже перебирал руками. Ну так шло...

Ну как объяснить? Дрожь сразу отступила, как только в голове промелькнула спасительная мысль. А дальше – как-то уже по ходу само собой должно получиться. Все-таки те уроки с моей Пишионовской, Староконного и Дюковского – мимо не проходят. Все-таки экзамены на «одесскую зрелость» я там сдавал.

Ну и пошло. Внезапно для самого себя, на автомате, подался вперед: «Что ты сказал?! Вообще уже и глазами, и мозгами не смотришь?! Кто еврей?! Тà из-за таких всё так и происходит...». И что-то еще.

Дальше – больше, я надавил: «А ты когда последний раз заглядывал в Святы?!». Чего именно это попало на язык? Голова тут

ни при чем. Видно, от перенапряжения. Сам-то я никогда те Святцы в глаза не видел.

Типа психанул, резко сорвал с себя и бросил под ноги цепочку: «На! Вот крестильный крест! А твой где?!».

На той цепочке вообще никогда никакого крестика не было, но кто при такой скорости мог что-то заметить?! Не обращая внимания ни на что, присел и начал лихорадочно искать в траве цепочку и... крестик. При этом повторял и повторял: «Грех это! Грех это... Грех!».

Те шкафы трезвели буквально на глазах. Практически в темноте тоже начали шарить в траве. Напрасно! Уже протрезневшие «единоверцы» стали успокаивать: «Ну хлопок... Ну что ты так... Ну бывает... Ну возьмишь другой крестик...».

Я сел на траву, обхватил голову руками (а вдруг будут бить ногами): «Другой, другой... Он же серебряный! Грех это...».

И тут один из шкафов открылся: «Тà успокойся! Нà тебе 50 долларов. Ну, купишь серебряный.... Хватит 50?».

Надо было уже как-то заканчивать.

Я продолжал сидеть с закрытыми глазами, как вдруг почувствовал – что-то просунули в мой нагрудный карман.

Когда открыл глаза, рядом уже никого не было. Впереди замелькали теперь не такие уже далекие огоньки Мельницкой улицы, Джутовая, дальше Ивановский мост, а там и домой рукой подать...

А 50 долларов?

Что, это деньги?!

Это только вознаграждение за мое правильное «молдаванское воспитание». А вот на «ходить где попало» по одесским закоулкам даже мне пора поставить уже не крестик, а крест.

Настоящий крест.

